

ВЫСТУПЛЕНИЯ НАРОДНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ В РОССИЙСКИХ СТОЛИЦАХ

В.Г. СМОЛИЦКИЙ

(Москва)

СКАЗИТЕЛИ РУССКОГО СЕВЕРА В ПЕТЕРБУРГЕ И МОСКВЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

В конце августа 1871 г. из экспедиции по Заонежью в Петербург возвращался Александр Федорович Гильфердинг, действительный статский советник, действительный член Императорского Русского географического общества, председательствующий Отделения этнографии в этом обществе. Он мог быть доволен результатами. Ему давно хотелось побывать на русском Севере. К своим сорока годам Гильфердинг путешествовал немало — где по делам службы, а где и просто по своему желанию он посетил большинство славянских земель, находящихся за пределами России. Неизвестные знали быт и нравы поляков, чехов, прибалтийских славян, искалесил земли южных славян в Боснии, Сербии, Герцеговине. Этнографические труды, корреспонденции, политические статьи выдвинули А.Ф. Гильфердинга в ряды крупнейших специалистов по проблемам славянской этнографии и так называемого славянского вопроса.

Однако путешествовать по внутренним областям своего отечества ему еще не приходилось. Экспедиция в Карелию была первой. Он помнил, какой эффект произвели десять лет назад сообщения П.Н. Рыбникова, открывшего в Прионежье заповедник русского эпического сказительства. До публикации материалов этого политического сырьльного этнографической науки располагала лишь теми эпическими текстами, которые были известны по сборнику Кирши Данилова и немногочисленным публикациям в Известиях Академии наук, предпринятым И.И. Срезневским. Песни об

Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче и других богатырях воспринимались как нечто давно исчезнувшее, археологическое, существующее нынче только в обломках и осколках. И вдруг оказывается, что рядом, в нескольких сотнях верст от столицы, былины продолжают жить полной жизнью, передаются из поколения в поколение, известны не случайным одиничкам, а многочисленным певцам-сказителям. П.Н. Рыбников представил рукопись собранных материалов, записанных им от 33 певцов. Это выглядело фантастично. Даже закралось сомнение, не подделка ли это. И.И. Срезневский связался со своими корреспондентами из Петрозаводска, и те подтвердили: да, всё подлинное, в прионежских селах многие помнят и могут спеть былины.

Путешествуя по южным славянским землям, А.Ф. Гильфердинг неоднократно слышал сербские, болгарские эпические песни. Он писал о них: «К счастью, православные босняки усвоили цикл песен о князе Лазаре, Марке Кралевиче и Кара-Георгии и в них находят пищу для своего духа и надежд» [Гильфердинг 1873, 107]. Он восторгался «величественным эффектом, производимым исполнением протяжных сербских песен» [Гильфердинг 1873, 82]. Но чтобы в России сохранялась живая эпическая традиция?! Захотелось удостовериться в этом самостоятельно: «... Манило меня в Олонецкую губернию желание послушать хоть одного из тех замечательных рапсоводов, каких нашел П.Н. Рыбников», — писал впоследствии А.Ф. Гильфердинг [Гильфердинг 1949–1951(1), 29]. Он предполагал совершить небольшую экскурсию, чтобы на месте увидеть, услышать, убедиться.

Идея вынашивалась 10 лет. Наконец в 1871 г. выдались свободные июль и август, которые он смог положить на осуществление задуманного предприятия. А.Ф. Гильфердинг советовался с П.Н. Рыбниковым и получил его одобрение, необходимую информацию, рекомендации и напутствия, что такая поездка «может быть небесполезна и после его работ» [Там же]. Результаты превзошли все ожидания. За пол-

Выступления народных исполнителей в российских столицах

тора месяца была составлена рукопись в 1203 полулиста, вся выполненная рукой Гильфердинга. Она содержала 318 текстов эпических песен, прослушанных им и записанных от 70 певцов и певиц; тексты сопровождались биографиями и характеристиками исполнителей.

Вскоре после возвращения домой, в начале сентября 1871 г., А.Ф. Гильфердинг посетил один из новых его знакомых – сказитель Василий Петрович Щеголенок. В Петербурге он оказался по дороге в Кисев, куда отправлялся на богомолье, и первым из онежских певцов прогостили у исследователя около недели. Гостеприимный хозяин не мог не воспользоваться случаем, чтобы не записать от Щеголенка еще несколько текстов (пометки на рукописях – 5, 8, 9, 10 сентября), заказать его гравированный портрет художнику Л.А. Серякову и познакомить с ним некоторых коллег по Географическому обществу. Так на квартире А.Ф. Гильфердинга состоялось первое прослушивание онежского сказителя в Петербурге. В начале сентября не все знакомые учного вернулись в столицу из летних отпусков, и только несколько человек в тот раз услышали подлинное народное пение былин. Возможно, этот непредвиденный собирателем случай натолкнул его на смелую мысль. А может быть, встреча с Щеголенком только укрепила его в давно сложившемся решении.

25 сентября 1871 г. на заседании Отделения этнографии А.Ф. Гильфердинг, докладывавший о своей поездке в Олонецкую губ., предложил организовать встречу с «замечательнейшим сказителем» Трофимом Григорьевичем Рябининым [ЖЗОЭ 1871, 342]. По его мнению, исследователям и вообще «дорожающим» отечественной быловой поэзией было бы интересно послушать, «как эти былины поются в народе» [Там же]. Так впервые прозвучала мысль предоставить петербургской публике подлинного носителя живой старины, организовать встречу хранителя традиционной поэзии, дошедшей до нас из глубины веков, с наиболее просвещенными представителями просвещенного XIX века. Вероятно, идея эта обдумывалась А.Ф. Гильфердингом давно. Видимо, еще во время путешествия он обсуждал ее с самим Рябининым и тогда получил его предварительное согласие. Теперь же он вникал во все практические детали этого проекта. Издержки путешествия и пребывание сказителя в Петербурге Гильфердинг брал на себя. Географическое общество он просил лишь «о назначении Рябинину некоторого подарка» [Там же]. В журнале заседаний Отделения этнографии было записано следующее:

«Отделение, с сочувствием относясь к этому предложению, уполномочило г. Гильфердинга пригласить сюда помянутого крестьянина» [Там же]. Подготовка к встрече Рябинина в Петербурге пошла полным ходом.

Однако Т.Г. Рябинину не случилось первым представить перед петербургской публикой. В октябре 1871 г. в столицу приехал еще один сказитель – Иван Аникиевич Касьянов, крестьянин с Космозера. Это был сорокалетний мужчина, один из пятерых грамотных сказителей (на 65 неграмотных). В прошлом он был старообрядцем, но за 10 лет до встречи с А.Ф. Гильфердингом перешел в единоверие. В столицу он приехал по поручению елиноверческой общины для сбора средств на местную церковь [Гильфердинг 1949 – 1951(2), 536]. В Заонежье собиратель записал от него пять текстов и теперь у себя дома пополнил список еще двумя. Впоследствии И.А. Касьянов оставил воспоминания о Гильфердинге и о тех памятных днях, что провел в Петербурге. Редкий случай: запись информанта о встрече с собирателем!

Еще летом в Заонежье, когда А.Ф. Гильфердинг пригласил на запись Касьянова, тот ехал и думал: «*Наши уездные господа становые приставы и разные служащие лица весьма гордые, <...> как явлюсь я к генералу (действительному статскому советнику. – В.С.), берет страх и ужас*». Служитель Гильфердинга, «*прииветливый и скромный*», доложил о приходе Касьянова. «*Александр Федорович принял меня очень ласково*» и напоил чаем. «*Начал я петь былину о Добрыне Никитиче, а генерал начал сам писать, так очень скоро и успешно, что едва поспеваю я голосом пропевать*». Иван Аникиевич подумал: «*Должно быть, господа, что чин выше, то и добнее, и не как наши уездные господа; приедешь за каким-либо, случится, делом, то он наскочит как зверь на рогатину, невзирая ни на какие твои справедливости*». Приехав по своим делам в Петербург, сказитель решил снова встретиться с собирателем. «*И думаю я, что такой ли будет здесь весьма добрый, как был в наших местах, или не пропустит и на глаза*». Когда хозяину доложили о приходе гостя, он «*приказал мне зайти к себе в покой, где сидела у него законная супруга Варвара Францевна, и так ласково и милостиво посадил подле себя. А генеральша сама наливала нам чай и с закускою*» [Касьянов 1872, 695].

А.Ф. Гильфердингу пришла в голову идея предложить Географическому обществу послушать выступление И.А. Касьянова. 15 октября 1871 г. на очередном заседании Отделения этнографии председательствующий Гильфердинг

обратился к присутствующим с предложением «пригласить сказителя Касьянова в заседание и пропустить несколько былин так, как они скаживаются в народе. Отделение отнеслось к этому предложению г. председательствующего с живейшим интересом» [ЖЗОЭ 1872 I, 123]. Позже пропел присутствующим былины о Вольге и Микule, о Михаиле Потыке и историческую песню об осаде Смоленска. Время было позднее, и из-за выступления сказителя доклад самого Гильфердинга пришлось перенести на месяц – на 1 декабря.

П.Д. Ухов, Т.Г. Иванова, Ю.А. Новиков доказали, что источником большинства былин, записанных от И.А. Касьянова, был печатный текст [Ухов 1970, 152, 168; Иванова 1981, 129–135; Новиков 2000, 310–325]. В дальнейшем Касьянов чаще и раньше других сказителей выступал в разных городах. По словам К.В. Чистова, он, «уворив интерес образованной публики к пению былин, стремился использовать его для своих целей. Он, видимо, не ожидал приглашения, а сам появлялся то в одном городе, то в другом и предлагал свои услуги» [Чистов 1980, 84].

Тем временем продолжалась подготовка к встрече Т.Г. Рябинина. Было решено по приезде сказителя «пригласить гг. членов (Отделения этнографии. – В.С.) в экстренное заседание, специально посвященное слушанию его былин» [ЖЗОЭ 1872 I, 119], не дожидаясь очередного заседания. Совет ИРГО решил «назначить ему денежный подарок» [ЖЗОЭ 1871, 342].

Т.Г. Рябинин приехал в Петербург 22 ноября. Он уже бывал в столице – привозил из Петрозаводска рыбу. На этот раз он вез нечто совсем другое – старинные песни. И круг общения теперь был другим. Сказитель остановился у А.Ф. Гильфердинга; снова пел ему, а собиратель проверял старые записи, делал новые [Гильфердинг 1949–1951(2), 9, 96, 111, 123, 139, 142, 151, 158, 166]. Впервые было записано еще несколько произведений. 1 декабря на общем собрании ИРГО Гильфердинг выступил с докладом «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды», который был выслушан с интересом и закончен «при общем рукоплескании» [Петербургская хроника 1871, 3 декабря].

Наконец 3 декабря состоялось экстренное заседание. Желание послушать народного певца собрало многочисленную публику (130–150 человек). Сидячих мест не хватило, и многим пришлось слушать стоя. Заседание почтило своим присутствием председатель ИРГО великий князь Константин Николаевич, младший брат Александра II. Ревностный помощник

императора в проводимых им реформах, он отличался своей интеллигентностью и либерализмом¹. Среди слушателей было много профессоров, путешественников, археологов, историков, статистиков, этнографов, журналистов; многие из них, как и сам Гильфердинг, примыкали к славянофилам. Были фольклористы и литератороведы: В.И. Ламанский – историк, филолог, путешественник; Л.Н. Майков – автор книги «О былинах Владимира цикла»; О.Ф. Миллер, написавший докторскую диссертацию «Сравнительно-критические наблюдения над словесным составом народного русского эпоса. Илья Муромец и богатырство киевское»; В.В. Стасов – знаменитый искусствовед, фольклорист. Заседание вел председательствующий Отделения этнографии А.Ф. Гильфердинг.

А.Ф. Гильфердинг и Т.Г. Рябинин вошли в зал и сели у стола заседаний. Во вступительном слове председательствующий представил олонецкого крестьянина Трофима Григорьевича Рябинина, 80-ти лет, рассказал о его необыкновенной памяти и сообщил его спертуар, в который входили 18 былин, в том числе о Вольге и Микule, об Илье Муромце и Соловье-Разбойнике, бое Добрыни со змеем, о Дунае-богатыре, Михаиле Потыке, – всего эпический запас сказителя насчитывал 6 тысяч стихов.

Пока говорил А.Ф. Гильфердинг, Рябинин в «простонародной» сибирке спокойно сидел, положив руки на подлокотники кресла. Среднего роста, для своего возраста еще довольно бодрый. Председательствующий попросил его начинать. Он запел без всякого приготовления, негромко, но внятно, смело и уверенно. По предложению великого князя первая исполняемая им былина была о Вольге и Микule. Сказитель пел твердым и довольно приятным голосом. Всё было для петербуржцев внове: и само пение, несколько монотонное, но вместе с тем возбуждающее живой интерес, и местный олонецкий выговор.

¹ Константин Николаевич возглавлял российский морской флот, им были привлечены в Морское министерство новые лица. Многие русские писатели, такие как И.А. Gonчаров, А.Ф. Писемский, Д.В. Григорович, С.В. Максимов, служили в этом министерстве или исполняли его поручения. Во флоте раньше, чем в других ведомствах, были отменены телесные наказания. В свое время воспитание Константина Николаевича было поручено географу и путешественнику гр. Федору Павловичу Литке, одному из главных организаторов ИРГО, ставшему его вице-председателем. Он тоже присутствовал на том знаменательном заседании.

Следующая пропетая им бытина – «Илья Муромец и Калин-царь» – довольно длинное произведение (616 стихов). Рябинин пел, слегка раскачиваясь. Живой, плавный рассказ сказителя захватывал – хотелось слушать без конца (как вспоминали присутствовавшие).

Прослушав вторую былину, великий князь Константин Николаевич поблагодарил сказителя, изъявил «свое одобрение» и «оставил залу заседания» [ЖЗОЭ 1872 II, 130]. Но вечер продолжался, хотя было заметно, что певец утомился. Он спел еще несколько песен. По просьбе О.Ф. Миллера сказитель исполнил былину «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром». В.В. Стасов попросил спеть былину о Добрыне и Маринке. В заключении вечера Рябинин пропел «Молодец и худая жена»:

Поневолили-то молодца жениться,
Поженили-то в деревне у суседушки,
У суседа они брали у богатого.
Да ѿ приданаго-то много – человек худой.
Ай приданої висит на грядочке,
Да ѿ худая жонка-то на ручки спит.
То мне не с ким добру молодцу погладиться,
Да и не с ким добру молодцу поластиться
[Гильфердинг 1949 – 1951(2), № 89].

Эта новеллистическая песня была до приезда Рябинина неизвестна. Впервые А.Ф. Гильфердинг записал ее несколько дней назад – 25 ноября 1871 г.

На заседании 3 декабря было принято решение: «Комиссия нашла вполне достойным поощрение от Общества (Русского Географического. – В.С.) серебряною медалью сказителя былин Трофима Григорьевича Рябинина, который бесспорно может быть признан лучшим передатчиком произведений русского народного эпоса <...>, и ему же, наконец, обязано Отделение (этнографии. – В.С.) случаем ознакомиться на деле с тем, в каком виде наш эпос живет в народе» [ЖЗОЭ 1872 II, 130–131].

В ближайшие дни многие петербургские газеты сообщали о прошедшем вечере. «Санкт-Петербургские ведомости» информировали о выступлении Рябинина, описывая его внешний вид: «Старик-раскольник <...>, одетый в сибирку, с длинной седой бородой и с глубоко впавшими глазами, придающими ему почтенный и серьезный вид». Журналист подчеркивал «оригинальность и красивость» той музыкальной фразы, которая постоянно повторялась в пении сказителем [Хроника 1871, 2]. «Биржевые ведомости» сожалели, что только немногие (около 150 человек. – В.С.) имели

возможность послушать Рябинина: «Желающих, конечно, нашлось бы очень много» [Петербургская летопись 1871]. Им вторила газета «Голос»: «Желание послушать русского рапсода привело многочисленную публику, обыкновенно мало посещающую заседания Отделения этнографии... Рябинин своим пением не раз вызывал единодушные рукоплескания слушателей» [Внутренние новости 1871]. Откликнулась и газета «Русский мир»: «В рассказе Рябинина высказывалось неподдельное чувство и вера в истинность того, о чем он рассказывает» [Петербургская хроника 1871, 8 декабря].

В последующие до своего отъезда домой дни Т.Г. Рябинин выступил еще несколько раз – на заседании Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета (5 декабря 1871 г.) и в некоторых частных домах. Установить каких пока не удалось; известно только, что он неоднократно пел былины у своего петербургского хозяина – А.Ф. Гильфердинга.

На заседании Славянского комитета присутствовал И.Е. Репин, который оставил карандашный рисунок, запечатлевший сказителя в момент пения. Возможно, в один из декабрьских дней его слушал М.П. Мусоргский, сумевший нотировать былину «Вольга и Микула», что впоследствии было использовано композитором в опере «Борис Годунов».

Вскоре Т.Г. Рябинин отбыл на родину, увозя с собой сто рублей (деньги по тому времени для крестьянина немалые) и подарок великого князя – серебряную чарку с древнерусским орнаментом работы модного тогда ювелира Валентина Игнатьевича Сазикова, придворного поставщика. А с медалью вышла заминка. Совет ИРГО отказался утвердить постановление Отдела этнографии о присуждении Рябинину серебряной медали: «По всестороннем обсуждении этого вопроса и произведенной затем баллотировке оказалось, что восемь членов против двух выразили мнение, что заслуги Рябинина как рапсода и сказителя не входят в круг деятельности Географического Общества, вследствие чего <...> (Совет. – В.С.) не нашел возможным присудить серебряную медаль Рябинину» [ЖЗС ИРГО 1872 I, 21].

Дважды обращались члены Отделения этнографии в Совет ИРГО и оба раза получали отказ. Тогда А.Ф. Гильфердинг объявил, что он слагает с себя обязанности председательствующего Отделения, но коллеги просили его «позволить» им «не знать» [Петербургская летопись 1872] о таком его намерении. В дело вмешался П.П. Семенов-Тян-Шанский, известный путешественник, сенатор, член Государ-

ственного Совета, активный член ИРГО. Он подал бумагу, в которой обратил внимание на «усердие» Рябинина, сообщившего Гильфердингу народные песни и тем давшего возможность «сохранить их для науки», а также на «ту готовность», с которой он по первому вызову прибыл из Олонецкой губ. в Петербург. Семенов-Тян-Шанский резюмировал: «Казалось бы вполне справедливым исходатайствовать крестьянину Рябинину Высочайшую награду...» [РЭС ИРГО 1872 II, 40–41]. Под влиянием П.П. Семенова-Тян-Шанского Совет ИРГО единогласно решил обратиться к великому князю Константину Николаевичу об исходатайствовании Рябинину награды, которая исходила бы не от Совета ИРГО, а от самого Императора. По этому поводу «Биржевые ведомости» иронично резюмировали: «Мудрая русская пословица "И овцы целы, и волки сыты" восторжествовала» [Петербургская лента 1872]. Тем не менее Отделение этнографии не преминуло «выразить высокую признательность его высочеству за внимание, оказанное им простому крестьянину, которое показывает, что высокий покровитель ближе стоит к простому человеку, чем те ученые мужи, которые желали оставить без всякой награды певца древних русских былин» [Там же].

6 марта 1872 г. Совету ИРГО было доложено, что Государь Император всемилостивейше изволил пожаловать крестьянину Рябинину серебряную медаль для ношения на шее на Станиславской ленте, с надписью «За полезное» [РЭС ИРГО III 1872, 47]. Так закончилась эпопея первого опыта приглашения в столицу выдающихся народных певцов. Почин был сделан А.Ф. Гильфердингом. С годами такие выступления стали превращаться в традицию.

В январе 1893 г. в Петербург приезжал Иван Трофимович Рябинин – сын знаменитого сказителя. С его пением смогло познакомиться гораздо больше народу, чем с пением его отца. Он выступал и на специальном заседании Отделения этнографии, проведенном совместно с песенной комиссией ИРГО, и на заседаниях русского литературного общества, и на квартирах академиков В.И. Ланского, Я.К. Грота, председателя песенной комиссии ИРГО Т.И. Филиппова, в различных учебных заведениях. К.В. Чистов подсчитал, что в январе 1893 г. в Санкт-Петербурге «состоялось по крайней мере десять выступлений И.Т. Рябинина» [Чистов 1980, 87]. Певец посетил и Петербургскую духовную академию, где пропел несколько былин и духовных стихов. Про-

фессор А.И. Пономарев вспоминал: «Родные звуки родной старины действовали захватывающим образом и уносили слушателей куда-то далеко, далеко от всего окружающего и современного» [Пономарев 1893, 4].

Зимой 1894 г. И.Т. Рябинин пел в московских Политехническом и Историческом музеях, университете и во многих гимназиях. С тех пор приглашения народных певцов в высшие и средние учебные заведения становятся важным элементом методики преподавания.

В 1902 г. вместе с учителем петрозаводской гимназии П.Т. Виноградовым Рябинин совершает турне по странам Европы. Они побывали в Болгарии – в Филипполе (ныне Пловдив) и Софии, в Сербии – в Нише и Белграде. Причем в Белграде их принимала Королевская академия, предоставив для выступления зал Королевского театра. Одновременно с Рябининым выступил сербский певец Журнич, певший под аккомпанемент однострунных гуслей. Далее – Вена, Прага, Варшава. Счет слушателей пошел уже не на сотни, а на тысячи. Только за границей на выступлениях Рябинина побывало многое более двух тысяч человек.

Зимой 1894 – 1895 гг. в Петербург приезжала Ирина Андреевна Федосова. Она остановилась у председателя песенной комиссии ИРГО Т.И. Филиппова. К тому времени уже вышли из печати сборники «Причитаний Северного края», записанных и опубликованных Е.В. Барсовым. По словам того же К.В. Чистова, «записи Е.В. Барсова открыли совершенно неизвестный дотоле мир крестьянской женской поэзии, жанр, которому в фольклористике 60 – 70-х гг. прошлого (XIX. – В.С.) века еще не было даже установленвшегося названия» [Чистов 1980, 138]. Однако И.А. Федосова знала и исполняла не только причитания, но и былины, и лирические песни, и сказки. Она выступала на совместном заседании Этнографического отделения и песенной комиссии ИРГО; в Большом зале Соляного городка – культурного центра тогдашнего Петербурга, а также на общем заседании Академии наук и в Археологическом институте. Пела в гимназиях и частных домах. Ее приглашали к себе К.П. Победоносцев, графы Шереметьевы, слушали В.В. Андреев – создатель оркестра народных инструментов, Н.А. Римский-Корсаков, М.А. Балакирев, А.И. Соболевский, В.И. Ламанский, Л.Н. Майков. Слушал и Ф.И. Шаляпин, который потом вспоминал: «Неподражаемо прекрасно сказывала эта маленькая кривобокая старушка с веселым лицом о Змее Горыныче, Добрыне, о "его поездочках молодецких", о ма-

тери его. О любви. Передо мною воочию совершалось воскресение сказки и сама Федосова была чудесна, как сказка» (цит. по [Чистов 1980, 165]).

Следующую зиму И.А. Федосова провела в Москве, остановившись у академика В.Ф. Миллера. Здесь ее слушали академики Ф.Е. Корш, Д.Н. Анучин, профессор А.Е. Грузинский. Она выступала в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете в здании Политехнического музея, в славянской комиссии Московского археологического общества, дважды в Историческом музее. Устроителем всех выступлений Федосовой, как и выступлений И.Т. Рябинина, был петрозаводский учитель П.Т. Виноградов. Летом 1896 г. Федосова и Виноградов получили приглашение в Америку, но поездка не состоялась: певица поехала в Нижний Новгород на Всероссийскую художественно-промышленную выставку, на которой выступала не менее трех раз, и еще три раза – в Казани. Здесь ее прослушало более четырех тысяч человек.

Выступления Рябининых, Федосовой прежде всего преследовали «познавательные цели»: каждый раз подчеркивалось, что невцы-сказители донесли до слушателей искусство старины, и сами они воспринимались как исторический реликт, объект филологической археологии. Не случайно А.Ф. Гильфердинг, предлагая Отделению этнографии вызвать в Петербург Трофима Григорьевича, мотивировал это тем, что выступление певца более всего будет интересно исследователям. Через 20 лет И.Т. Рябинин и И.А. Федосова тоже были прежде всего гостями научных обществ (Географического, Археологического, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии), музеев (Исторического и Политехнического), учебных заведений. Их выступления предварялись лекциями о былинах-старинах, о рапсодах-сказителях, о состоянии эпической поэзии в Карелии и т.д.

Первым, кто нанес Марию Дмитриевну Кривополенову, был фольклорист Александр Дмитриевич Григорьев, собиравший былины на Пинеге в 1900 – 1901 гг. Его поездка тоже была инициирована Географическим обществом. В томе I своего труда «Былины и исторические песни Архангельской губернии» он сообщил о ней краткие биографические сведения: 1843 год рождения, замужем за пьяницей, оттого нищенствует, былины (старинны) переняла от деда, слава ее как хорошей сказительницы простирается за 50 верст от ее де-

ревни. Григорьев же дал и первую краткую характеристику ее манеры исполнения: «По знанию старин Марья является первой среди опрошенных мною на реке Пинеге. Старины она знает хорошо ("истово"); поет она их быстрым распевом духовных стихов, энергично, отрывисто, с резкими ударениями» [Григорьев 1904, 334].

В 1915 г. с М.Д. Кривополеновой случайно познакомилась Ольга Эрастовна Озаровская, актриса, мастер художественного слова, читавшая со сцены сама и обучавшая этому («живому слову») других. На Север она приехала для сбора народных сказок, чтобы обогатить свой репертуар. Фольклор Севера она называла «жемчугом». Услыхав пение Марии Дмитриевны, Ольга Эрастовна пришла в восхищение. Подружились, и семидесятидвухлетняя старуха не побоялась согласиться на предложение О.Э. Озаровской отправиться с нею в Москву. «Куда ты, бабка? Ведь помрешь!» – пугали ее односельчане. «А невелико у бабушки и кость, найдется же где место его закопать» [Озаровская 1922, 9].

Выступления проходили в Большой аудитории Политехнического музея, на квартире артистки, на заседаниях в Обществе любителей русской словесности, в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии, в гимназиях города. Первое выступление М.Д. Кривополеновой состоялось в Большой аудитории Политехнического музея. Когда она вышла на сцену, на ее маленьющую фигурку в синем сарафане никто не обратил внимания. Приняли за уборщицу и продолжали шумно разговаривать. Тогда Мария Дмитриевна обратилась к залу и сердито крикнула: «Угомонитесь-ко!» [Ларин 1993, 86]. И вдруг испугалась. Она впервые увидела зал, поднимавшийся под потолок амфитеатром кресел: «Ты что, девка, куды меня привела, – обратилась она к Ольге Эрастовне. – Поглядиткось, в конце-то сидят не люди, а великаны. Под самый потолок!». Озаровской пришлось объяснять, что возвышаются не люди, а ряды стульев, уходящих вверх.

Актриса открыла вечер. Одетая в северорусский женский костюм, она рассказала несколько сказок, сохранив особенности архангельского говора. Затем обратилась к аудитории: «...Я не ученый, и не мое дело оценивать научную сторону дела... Я решила привезти и показать всем любителям русского слова бабушку северных лесов Марью Дмитриевну Кривополенову» [Там же]. Началось выступление певицы. Творческая энергия маленькой

старушки заражала весь зал Политехнического музея, набитый до отказа, и зрители с восторгом подпевали ей:

*Небылица в лицах, небывальщина,
Да небывальщина, да неслыхальщина.*

Среди любителей русского слова оказался Борис Пастернак. Впоследствии он вспоминал в письме к О.Э. Озаровской о своем впечатлении от вечера, называя его «чудесным случаем» столкновения с подлинным искусством «в его цельной неожиданности» [Пастернак 1983].

М.Д. Кривополенова сразу же оказалась в среде художественной элиты. Ее рисовали Л.О. Пастернак, П.Я. Павлинов, Н.Я. Симонович-Ефимова, ваяли А.С. Голубкина и С.Т. Коценков. Ее творчеству посвятил статью музыковед В.Г. Каратыгин. Его рецензия на концерт Озаровской и сказительницы дает представление о том, как выступала Мария Дмитриевна, для которой «не существует напева ("голоса") отдельно от текста, и мертв текст без напева, и нераздельно слиты и тот и другой с зачатками драматического действия: с мимикой, жестами, акциией очень степенной, но и очень выразительной, с переменами тембра песня скажется в зависимости от содержания отдельных строк (язвительно резкие интонации при передаче собственных речей Ивана Грозного, стекок суворости в повествовании о нем и т.д.). Чем-то не только архаично-культурным, но и древне-культовым веет от Кривополеновой... от всей совокупности ее фигуры, ее манеры держаться, ее голоса, ее экспрессии, ее бытии и небылиц...» [Каратыгин 1965, 170].

Хотя эти выступления и назывались лекциями, они представляли собою уже не научные заседания, а настоящий концерт. Вот как воспоминался вечер М.Д. Кривополеновой в Петрограде, куда она вместе с О.Э. Озаровской приехала в 1915 г. после Москвы: «Концертный зал Тенишевского училища. Моховая, 33. Две заседания, четвертая лекция сегодня, 2 декабря 1915 года. "За жемчугом", рассказ о второй поездке по русскому Северу артистки О.Э. Озаровской с участием крестьянки Архангельской губернии, сказительницы Марии Кривополеновой. Во внимание к возрасту сказительницы предстоит не опаздывать. Начало в 7 1/2 часов вечера. Билеты от 2 до 5 р.» [Морозов 1950, 17].

В 1916 г. Мария Дмитриевна снова приехала в Москву и вместе с Озаровской совершила турне, побывав в Поволжье, на Украине и на Кавказе, всюду собирая широкую публику. Они выступали в Твери, Саратове, Харько-

ве, Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Таганроге, Екатеринограде, Вологде, Архангельске. Кривополенова уже сама рассказывала о своей жизни, пела былины и небывальщины, исполняла сказки. Всего по подсчетам Озаровской за два года состоялось около 200 выступлений, в том числе десять – в научных и литературных кругах, двадцать пять – для широкой публики и более ста для учащихся [Москва 1975, 96].

В 1921 г. решением Совета Народных Комиссаров М.Д. Кривополеновой назначили академический паек и академическую пенсию. Она снова приезжала в Москву, снова пела былины и небывальщины, и нарком А.В. Луначарский, профессора П.Н. Сакулин, Б.М. и Ю.М. Соколовы ей подпевали: «*Небылица в лицах, небывальщина...*».

Умерла она у себя на родине, на Пинеге, в деревне Чакола 2 февраля 1924 г. в возрасте 80 лет.

П.Н. Рыбников и А.Ф. Гильфердинг разыскали «живую старину». О.Э. Озаровская встретилась с «настоящей артисткой» [Озаровская 1922, 9] и увидела в ней свою современницу: М.Д. Кривополенова «пленила всех своим драматическим талантом: своей мимикой, своим искусством менять тембр голоса в зависимости от развития действия в содержании» [Там же, 20].

ХХ век, продолжая исторические штудии в области русского эпоса, обратил особое внимание на его художественную природу, поэтику. И здесь не ограничилось одной наукой. Народные певцы все более и более входили в нашу культуру – театральную, музыкальную и эстрадную жизнь России. Имена певца и гусляра М.К. Северского (Скородумова), сказителей М. Крюковой и П.И. Рябинина-Андреева, певицы А. Глинкиной были известны и любимы множеством зрителей и слушателей. Народное творчество в своей аутентичности становилось фактом быта и сознания современников.

Литература

Внутренние новости 1871 – Внутренние новости. Петербургская хроника // Голос. 1871. 5 декабря.

Гильфердинг 1873 – Гильфердинг А.Ф. Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии // Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. СПб., 1873. Т. 2.

Гильфердинг 1949 – 1951 – Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. М.; Л., 1949 – 1951. Т. 1 – 3.

Григорьев 1904 – Григорьев А.Д. Былины и исторические песни Архангельской губернии. СПб., 1904. Т. 1.

ЖЗОЭ 1871 – Журнал заседания Отделения этнографии. 25 сентября 1871 г. // Известия ИРГО. СПб., 1871. № 8. С. 337–343.

ЖЗОЭ 1872 I – Журнал заседания Отделения этнографии. 15 октября 1871 г. // Известия ИРГО. 1872. № 3. С. 118–124.

ЖЗОЭ 1872 II – Журнал заседания Отделения этнографии. 3 декабря 1871 г. // Известия ИРГО. СПб., 1872. № 3. С. 129–131.

ЖЗС ИРГО 1872 I – Журнал заседания Совета Императорского русского географического общества. 22 января 1872 г. // Известия ИРГО. СПб., 1872. С. 21–38.

ЖЗС ИРГО 1872 II – Журнал заседания Совета Императорского русского географического общества. 10 февраля 1872 г. // Известия ИРГО. СПб., 1872. С. 38–47.

ЖЗС ИРГО 1872 III – Журнал заседания Совета Императорского русского географического общества. 6 марта 1872 г. // Известия ИРГО. СПб., 1872. С. 47–62.

Иванова 1981 – Иванова Т.Г. Сопоставление типических мест как прием исследования былин // Русский фольклор. Т. 21: Поэтика русского фольклора. Л., 1981. С. 127–154.

Каратыгин 1965 – Каратыгин В.Г. Второй вечер О.Э. Озаровский и М.Д. Кривополеновой // Каратыгин В.Г. Избранные статьи. М.; Л., 1965. С. 170–172.

Касьянов 1872 – Касьянов И.А. Воспоминания крестьянина о А.Ф. Гильфердинге // Русская старина. 1872. Т. 6. № 12. С. 694–698.

Ларин 1993 – Ларин О. «Государственная бабушка» // Север. 1993. № 4. С. 83–99.

Морозов 1950 – Морозов А.А. М.Д. Кривополенова. Жизнь и творчество // Кривополенова М.Д. Былины, скоморошьины, сказки. Архангельск, 1950. С. 3–33.

Москвин 1975 – Москвин А. «Москва Пингуя сплюблена» // Север. 1975. № 8. С. 93–103.

Новиков 2000 – Новиков Ю.А. Сказитель и былинная традиция. СПб., 2000.

Озаровская 1922 – Озаровская О.Э. Бабушкины старины. М., 1922.

Пастернак 1983 – Б. Пастернак – О. Озаровской // Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-х – 1930-х гг. М., 1983. С. 736.

Петербургская летопись 1871 – Петербургская летопись // Биржевые ведомости. 1871. 5 декабря.

Петербургская летопись 1872 – Петербургская летопись // Биржевые ведомости. 1872. 18 февраля.

Петербургская хроника 1871 – Петербургская хроника // Русский мир. 1871.

Пономарев 1893 – Пономарев А.И. Народный певец-сказитель среди студентов Духовной академии. СПб., 1893.

Ухов 1970 – Ухов П.Д. Атрибуции русских былин. М., 1970.

Хроника 1871 – Хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1871. 5 декабря.

Чистов 1980 – Чистов К.В. Русские сказители 34 Карелии.Петрозаводск, 1980.

В.М. ЩУРОВ
(Москва)

МОСКОВСКИЕ МУЗЫКАЛЬНО- ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОНЦЕРТЫ 1960-х – 1970-х гг.

В годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы о народных песнях судили либо по их композиторским обработкам в классических сборниках М.А. Балакирева, Н.А. Римского-Корсакова, А.К. Лядова, либо по выступлениям профессиональных народных хоров и вокалистов-солистов, преподносявших музыкальный фольклор в обработанном, выхолощенном, рафинированном виде. Причем на первый план выступали городские песенные жанры. Поэтому академическим музыкантам и интересующейся искусством интеллигенции народное музыкальное творчество представлялось чем-то пресным, устаревшим, неинтересным.

Так было до тех пор, пока с середины пятидесятых годов XX в. не начались регулярные экспедиции преподавателей и студентов Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского в русские села с целью записи музыкального фольклора, благодаря чему совершенно неожиданно были открыты ярчайшие очаги прекрасно сохранившегося песенного и инструментального традиционного творчества. Оказалось, что там, где недавно окончились жестокие бои, сравнившие села с землей, – в Курской, Белгородской, Брянской, Смоленской обл., – из руин вновь выросли дома, из зарытых от глаз врага сундуков были извлечены старинные русские наряды, а на улицах по вечерам (в молодежном кругу) и по праздникам (всем миром) снова стали водить хороводы. Крестьяне шли в поле и возвращались с работы с песнями. Свадьбы справлялись по установленным издревле правилам, с живым участием молодых певиц – подруг невесты. Главное же – услышанные участниками экспедиций песни отличались особой, первозданной красотой и большим художественным совершенством. Это были выразительнейшие примеры народной полифонии, со своеобразными ладовыми красками, с характерными ритмами, с оригинальными композиционными решениями. В исполнении лучших мастеров народного традиционного творчества они производили впечатление подлинных законченных шедевров музыкально-поэтического искусства. Не менее значительные находки были сделаны собирателями на Русском Севере, в Сибири, в казачьих станицах.

Стало ясно, что эти ценности народной культуры необходимо сохранить в высоко-